

Научная статья
УДК 343, 346.9

Уголовная ответственность за неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий, осуществляющих добычу (вылов) водных биоресурсов

Олеся Владимировна Мильчакова, кандидат юридических наук, доцент, докторант

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва (125993, ул. Садовая-Кудринская, д. 9), Российская Федерация
ovmilchakova@msal.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1738-0232>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена наблюдаемой тенденцией увеличения выявляемых случаев незаконного завладения иностранными лицами стратегическими предприятиями, осуществляющими добычу (вылов) водных биоресурсов. Несмотря на значительность ущерба, причиняемого государству недобросовестными иностранными лицами, отсутствуют прецеденты привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за нарушения законодательства об иностранных инвестициях. Является ли причиной данного явления отсутствие общественной опасности несанкционированного «захвата» иностранными лицами российских стратегических обществ или же проблема заключается в несовершенстве уголовного закона?

Методы. Методологическая основа исследования включает диалектический метод познания, общенаучные и частнонаучные методы, в частности, сравнительно-правовой, формально-логический и системный.

Результаты. Обосновано, что нарушение законодательства об ограничении иностранного участия в сфере рыболовства может представлять общественную опасность, причиняя вред государству и экономическим отношениям. Следствием завладения активами рыбодобывающих обществ является незаконная добыча (вылов) водных биоресурсов. Сопоставление норм уголовного закона со спецификой указанного нарушения в сфере рыболовства приводит к выводу об отсутствии правовых норм, допускающих применение уголовной ответственности непосредственно за такое нарушение. При этом проанализированные в исследовании составы преступлений не исключают возможности применения иных норм уголовного законодательства к рассмотренному явлению.

Ключевые слова:

общественная опасность, иностранные инвестиции, незаконная добыча биоресурсов, уголовная ответственность, стратегические предприятия

Для цитирования:

Мильчакова О. В. Уголовная ответственность за неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий, осуществляющих добычу (вылов) водных биоресурсов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 164–174.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025;
одобрена после рецензирования 23.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Criminal liability for foreign persons' misappropriation of assets belonging to strategic enterprises engaged in water biological resource collecting (fishing)

Olesya V. Milchakova, Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Doctoral Student

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation
ovmilchakova@msal.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1738-0232>

© Мильчакова О. В., 2026

Abstract:

Introduction. The relevance of the study is due to the observed tendency of increasing number of cases of misappropriation of assets belonging to strategic enterprises engaged in water biological resource collecting (fishing). Despite the significant damage caused to the state by malicious foreign entities, there are no precedents for bringing those responsible to criminal justice for violations of foreign investment legislation. Is this phenomenon due to the lack of public danger posed by the unauthorised "seizure" of Russian strategic enterprises by foreign entities, or is the problem rooted in the imperfection of criminal law?

Methods. The methodological basis of the research includes the dialectical method of cognition, general scientific and specific scientific methods, in particular, comparative legal, formal logical and systemic methods.

Results. Reasonable grounds have been established indicating that violations of legislation restricting foreign participation in the fishing industry may pose a public danger, causing harm to the state and economic relations. The seizure of assets belonging to fishing enterprises results in the illegal fishing of aquatic biological resources. A comparison of criminal law provisions with the specifics of the aforementioned violation in the field of fishery leads to the conclusion that there are no legal standards providing for criminal liability directly for such a violation. At the same time, the offences analysed in the study do not exclude the possibility of applying other provisions of criminal law to the phenomenon under consideration.

Keywords:

public danger, foreign investment, illegal collection of biological resources, criminal liability, strategic enterprises

For citation:

Milchakova O. V. Criminal liability for foreign persons' misappropriation of assets belonging to strategic enterprises engaged in water biological resource collecting (fishing) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 164–174.

The article was submitted June 22, 2025; approved after reviewing December 23, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Начиная с 2019 года наблюдается тенденция увеличения количества случаев нарушения иностранными лицами законодательства об ограничении иностранного участия в стратегических отраслях экономики. Отражением этих обстоятельств служат судебные дела¹, инициированные Генеральной прокуратурой Российской Федерации во взаимодействии с Федеральной антимонопольной службой (далее – ФАС России), предметом которых являются требования об изъятии в доход государства активов стратегических предприятий, приобретенных иностранными лицами с нарушением законодательства об иностранных инвестициях, а также возмещение ущерба, причиненного Российской Федерации в связи с такими нарушениями.

Анализ судебных решений, размещенных в картотеке арбитражных дел (www.kad.arbitr.ru), свидетельствует, что в 2024 году размер выявленного ущерба, причиненного государству в связи с незаконным осуществлением иностранными инвесторами стратегической деятельности, только в сфере рыболовства составил более 370 млрд рублей.

Размер административного штрафа за установление иностранного контроля над стратегическими хозяйственными обществами (к числу которых в т. ч. относятся рыбодобывающие предприятия) в отсутствие необходимых регуляторных согласований уполномоченных государственных органов составляет не более 1 млн рублей для юридических лиц и не более 5 тыс. рублей – для физических лиц. Срок давности привлечения к ответственности по данной категории административных правонарушений исчисляется с даты незаконного установления корпоративного контроля над обществом и составляет 1 год. Сложность сбора доказательств и длительность выявления скрытого, завуалированного контроля иностранных лиц над российским обществом неминуемо может привести к уходу от наказания нарушителей законодательства об иностранных инвестициях.

Между тем прецедентов привлечения к уголовной ответственности в связи с выявленными фактами нарушения установленных законодательством запретов и ограничений на иностранное участие в стратегических секторах экономики не обнаруживается.

В связи с этим логичными выглядят вопросы о причинах подобного явления. Кроются ли они в отсутствии общественной опасности нарушения законодательства об иностранных инвестициях, в связи с чем общество не готово к криминализации данных деяний? Или же избежать уголовной ответственности позволяют пробелы уголовного законодательства, несовершенство либо коллизии составов преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации² (далее – УК РФ)?

¹ См. информацию о судебных делах, в т. ч. № А42-10735/2019, А50-32879/2019, А40-133024/2022, А42-6270/2022, А40-221753/2022, А40-156361/2023, А40-241835/2023, А40-37760/2024, А40-194926/2024, А51-1300/2024, А51-1301/2024, А82-6992/2024, А60-5228/2024, А76-8446/2024, А40-75763/2025, А59-532/2025, А41-5707/2025, А07-1729/2025, А56-3068/2025, А21-1175/2025 (Электронное правосудие : [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru>).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 5. Ст. 2954.

Целью настоящего исследования является формулирование ответов на данные вопросы в ходе рассмотрения отдельных норм релевантного законодательства и сложившихся подходов в правоприменительной практике.

Методы

При проведении исследования применялись основные способы диалектического метода познания, с использованием которых выявлялись противоречия в оценках законодателя и правоприменителя, которые придаются характеру и степени общественной опасности рассматриваемых деяний. Также осуществлялся поиск решений, позволяющих применить меры уголовной ответственности за такие деяния. Использование системного метода выразилось в изучении структуры анализируемых деяний во взаимосвязи с элементами отдельных составов преступлений, формально-логического метода – в выявлении содержания понятий, используемых законодателем при формулировании составов преступлений, а сравнительно-правового – в сравнении элементов составов этих преступлений.

Результаты

В правовой науке сложилось устойчивое представление об общественной опасности как объективной способности деяния причинять вред общественным отношениям [1, с. 4], при этом издавна ведется спор, не нашедший однозначного решения, по вопросам содержания понятия общественной опасности и исключительной принадлежности данного признака уголовно наказуемому деянию.

Ряд ученых высказывают мнения о том, что общественная опасность является неотъемлемым свойством исключительно преступления, а степень вредности иных правонарушений не настолько велика, чтобы считать их общественно опасными [2, с. 28; 3, с. 998, 104; 4, с. 64; 5, с. 92]. Другие служители науки придерживаются мнения, что признаком общественной опасности обладают не только преступления, но и административные правонарушения [6, с. 32; 7, с. 10; 8, с. 99] или деяние, причинившее вред³ [9, с. 67]. Третьи считают необходимым отказаться от дефиниции «общественной опасности» правонарушения как теоретической конструкции, которая не имеет содержательной составляющей и является дискуссионной [9, с. 61; 10, с. 259–260].

Не имея цели в настоящем исследовании полемизировать по этим аспектам общественной опасности, тем не менее признаем правомерность выводов А. И. Рарога о том, что история введения в обиход самого термина «общественная опасность» связана с идеей причинения преступлением вреда государству, при этом своеобразной расшифровкой (синонимом) «общественной опасности» может выступать оборот «причиняющее вред или создающее угрозу причинения вреда личности, обществу, государству» [11, с. 23, 25].

Общественная опасность преступления как объективно-субъективная категория является исторически изменчивой, что обусловлено социально-экономическими процессами, происходящими в обществе [12, с. 248].

По утверждению С. А. Бочкарева, итоговое умозаключение об опасности формируется человеком в процессе мыслительной деятельности, опирающейся на здравый смысл, и психического восприятия объективной действительности [13, с. 157]. В связи с этим подразумевается, что конечная оценка степени общественной опасности конкретного деяния генерируется политической волей создателей правовых норм – законодателей, которым многонациональный народ России, являющийся единственным источником власти в нашем государстве (ст. 3 Конституции Российской Федерации⁴), делегировал право выражать его волю посредством утверждения законов.

Законодатель, детерминируя нормы уголовного закона, отображает степень опасности для общества отдельных деяний, признавая их преступными и устанавливая уголовную ответственность за них. При этом, исходя из объяснения Конституционного Суда Российской Федерации

³ Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления : научно-практическое пособие. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2019. С. 30.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>) : [сетевое издание]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=mc6dpwrmvp574719161> (дата обращения: 21.06.2025).

(далее – Конституционный Суд)⁵, в процессе уголовного правотворчества подлежат учету значительность вреда таких деяний, уровень их распространенности, важность защищаемых законом ценностей, которые подвергаются посягательству в процессе этих деяний, наряду с констатацией факта невозможности предотвращения совершения подобных деяний посредством каких-либо иных средств правовой защиты.

Отвечает ли неправомерное (с нарушением установленного законодательством порядка) завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий признаку общественной опасности преступного деяния, ответственность за совершение которого должна быть предусмотрена уголовным законом?

Нормы, ограничивающие иностранное присутствие в российских организациях, имеющих существенную значимость для сохранения обороноспособности и безопасности нашего государства, находятся в Законе об инвестициях в стратегические предприятия⁶. К разряду таких организаций отнесены предприятия, действующие в любой из более чем ста сфер хозяйственной деятельности, которые перечислены в ст. 6 названного закона (оборонная, металлургическая, авиационная, космическая отрасли промышленности, сферы естественных монополий, добыча полезных ископаемых, услуги в портах, аэропортах, рыболовство).

Заключение сделок и осуществление иных действий, результатом которых является установление иностранного контроля над стратегическими предприятиями, требует предварительного рассмотрения и получения разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации (далее – Правительственная комиссия по инвестициям).

В качестве иностранных инвесторов в данном законе указываются не только иностранные государства, организации и граждане, но и российские граждане, обладающие иностранным гражданством или видом на жительство в иностранном государстве.

Иностранный инвестор обязан в подробностях раскрыть корпоративную структуру, представить бизнес-план развития стратегического общества, т. е. свои инвестиционные намерения. Правительственная комиссия по инвестициям может согласовать сделку, отказать в ее согласовании либо согласовать сделку, возложив на заявителя какие-либо обязательства. В частности, осуществлять на территории России переработку добытых стратегическим обществом природных ресурсов, гарантировать продолжение осуществления приобретаемым обществом стратегического вида деятельности, неснижение объемов производства обществом товаров, выполнения работ, произвести локализацию на территории России передовых технологий, производства деталей, оборудования, необходимых для стратегической деятельности.

Решение вопроса о согласовании приобретения иностранным инвестором российского стратегического предприятия принимается с учетом наличия или отсутствия рисков возникновения угроз обороне и безопасности России в случае иностранного присутствия в функционировании такого предприятия. Договоры и соглашения, достигнутые и реализованные в обход и с несоблюдением требований обозначенного выше закона, ничтожны.

Опираясь на уже не раз заявленное суждение Конституционного Суда⁷, невозможно оспаривать факт, что данный закон являет собой составную часть основ конституционного правопорядка и сообразно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации фиксирует допустимые пределы и табуированные запреты неконтролируемого представительства иностранных лиц

⁵ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 г. № 7 П // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.

⁶ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства : Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ряда граждан и юридических лиц – акционеров открытого акционерного общества «Территориальная генерирующая компания № 2» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 1, частью 3 статьи 3, частью 1 статьи 4 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», а также частью 1 статьи 9 Федерального закона «О защите конкуренции» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2011 г. № 924-О-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 2 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы иностранной компании «Канриг Дриллинг Текнолоджи Кэнада Лтд.» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 6 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 1106-О // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18062020-n-1106-o/?ysclid=mc6dfmzpl4667302898> (дата обращения: 19.06.2025).

в стратегических секторах экономики. Изложенный выше механизм правовой защиты направлен на сдерживание иностранного влияния и активности, которые могут повлечь возникновение рисков опасности интересам, жизненно важным для государства и общества в целом и для каждого человека в отдельности.

Поскольку главной задачей Закона об инвестициях в стратегические предприятия является обеспечение публичного интереса в безопасности государства, представляющего собой, как известно, политическую организацию общества, то нарушение этого закона влечет безусловную опасность для государства, общественную опасность, фактическое причинение или возможное причинение вреда государству, обществу, гражданам, проживающим на территории России. Лица, нарушившие данный закон, в целом вступают в противоречие с публичным правопорядком, наносят урон национальному экономическому суверенитету, препятствуют его сохранению, поддержанию на должном уровне состояния защищенности обороны и безопасности нашей страны. При этом группы общественных отношений, претерпевающих в результате подобного деяния деструктивное негативное воздействие, могут быть различны в зависимости от содержания такого деяния и его последствий.

Вследствие этого неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий может быть общественно опасным. Наличие этого обстоятельства, бесспорно, является признаком преступления.

Имеются ли в действующем уголовном законе составы преступлений, элементы, характер и степень общественной опасности которых соответствуют такому правонарушению?

Нет ни одной статьи в УК РФ, объективная сторона состава преступления в которой выразилась бы в нарушении законодательства об иностранных инвестициях. Инициатива о введении уголовной ответственности непосредственно за подобные деяния вносилась в одну из палат Федерального Собрания единожды, в 2014 году⁸, однако, на обсуждение депутатского корпуса соответствующий законопроект так и не был вынесен как не вызвавший отклика у уполномоченных лиц и государственных органов. Это может быть объяснимо в т. ч. единичностью выявленных случаев нарушения данного законодательства в период 2008–2014 гг.

Преступления, ответственность за которые предусмотрена уголовным законом, могут быть связаны с посягательством на общественные отношения в сфере иностранных инвестиций. В частности, можно вести речь об одном из распространенных правонарушений – об установлении незаконного иностранного контроля над обществами, добывающими (вылавливающими) водные биоресурсы.

Иностранцам Законом о рыболовстве⁹ в категорической форме запрещено заниматься предпринимательской деятельностью по добыче (вылову) указанных биоресурсов. Российские юридические лица, контролируемые иностранными инвесторами, вправе заниматься такой деятельностью только при условии получения согласия на это Правительственной комиссии по инвестициям (ст. 11 и ст. 13 указанного закона).

Мотивами получения в обход закона прав на добычу (вылов) водных биоресурсов являются корыстные побуждения, а целью – извлечение максимальных доходов при минимизации издержек, связанных с осуществлением такой деятельности, что, по замечаниям И. В. Осипова, Ю. В. Трунцевского, свойственно субъектам преступлений в сфере экономической деятельности [14, с. 41–42]. При прохождении процедур получения регуляторных согласований указанные издержки могут возникнуть, к примеру, в связи с возложением органами власти на инвестора обязательств по изменению структуры владения (управления) предприятием, внесению платежей в бюджет, выполнению каких-либо производственно-технических мероприятий.

Недобросовестные иностранные инвесторы, не имеющие реальных намерений инвестировать собственные средства в российскую экономику, заинтересованные исключительно в получении доступа к российским природным ресурсам, их вывозу за рубеж, «оседанию» на зарубежных счетах своих иностранных компаний прибыли, получаемой от реализуемых в зарубежных юрисдикциях российских водных биоресурсов (крабов, являющихся наиболее ценным «валютеемким» биоресурсом, рыбы, креветок и пр.), нередко используют так называемые

⁸ Законопроект № 527231-6 «О внесении изменений в Федеральный закон „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за незаконное установление контроля над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации” // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/527231-6> (дата обращения: 21.06.2025).

⁹ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СЗ РФ. 2004. № 52. Ст. 5270.

«серые схемы» незаконного установления контроля над рыбодобывающими обществами (что подтверждается решениями судов, ссылки на которые приведены выше).

Как правило, они не приобретают «контрольную долю» участия в уставном капитале хозяйственного общества, что являлось бы прямым доказательством факта нарушения, подтверждаемого сведениями о корпоративных взаимосвязях на основании информации из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) или материалов реестра владельцев ценных бумаг акционерного общества, находящегося у регистратора (что было бы аналогично, скажем, прямому доказательству в деле об убийстве в виде свидетельских показаний или видеозаписи, подтверждающих факт причинения смерти человеку конкретным физическим лицом).

Пытаясь скрыть от государства в лице уполномоченных органов (ФАС России, Росрыболовства, органов прокуратуры) имеющийся контроль над обществами, добывающими водные биоресурсы, иностранные лица прибегают к различным формам формирования финансовой, материально-технической и производственной зависимости рыбодобывающего общества от иностранной компании, что лишает российское общество какой-либо автономии воли в осуществлении предпринимательской деятельности.

К примеру, получение крупного займа от иностранной компании на льготных условиях само по себе как единственное косвенное доказательство контроля экономической деятельности российского общества ничего не значит (как если бы в деле об убийстве единственным доказательством являлось бы обнаружение орудия преступления у какого-либо физического лица). Но если данные обстоятельства сопровождаются фактами обременения залогом акций (долей) российского общества, ипотекой рыболовных судов в пользу этой иностранной компании в совокупности с тем, что такая иностранная компания в качестве единственного покупателя монополизировала бы сбыт добываемых обществом крабов, рыбы и других водных биоресурсов по заниженной стоимости (в т. ч. декларируемой таможенной стоимости), фиксацией договорных условий об оплате поставленной продукции в течение года с даты отгрузки товара на экспорт, то все перечисленные косвенные доказательства в совокупности с очевидностью («за пределами разумных сомнений») свидетельствуют о нестандартных для независимых субъектов предпринимательской деятельности условиях взаимодействия, об отсутствии самостоятельности российского общества в осуществлении им предпринимательской деятельности.

Учитывая, что юридическое лицо фактически не имеет собственной воли, поскольку она определяется субъективной волей физических лиц, объединение которых представлено в форме юридического лица, представляется допустимым говорить о том, что иностранные инвесторы в подобных случаях в реальности используют «механизм франшизы», когда ими под вывеской российского юридического лица приобретаются у государства (в лице Росрыболовства, его территориальных органов и органов власти субъектов Российской Федерации) права на добычу (вылов) водных биоресурсов, с использованием которых в последующем извлекается прибыль.

Для того чтобы получить упомянутые выше права, естественно, следует подать заявку, к примеру, на участие в аукционе по распределению соответствующих квот или для получения разрешения на добычу биоресурсов, допустимый улов которых не установлен.

В такого рода заявке надлежит указать сведения о том, находится или не находится заявитель под контролем иностранного инвестора (группы лиц с участием подобного инвестора). При наличии этого контроля в заявке указываются реквизиты решения ФАС России, из которого следует, что упомянутый иностранный контроль одобрен Правительственной комиссией по инвестициям.

В случае сокрытия факта наличия иностранного контроля при получении прав на добычу (вылов) водных биоресурсов, осуществления этой добычи (вылова) и получения прибыли от реализации фактически незаконно добытых (выловленных) биоресурсов, поскольку данная организация не имела права на получение указанного права, могут иметь место признаки мошенничества, незаконного предпринимательства, а также незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов.

В частности, заявка на участие в аукционе на получение запрашиваемых разрешений органов власти, договоры о правах на добычу (вылов) водных биоресурсов подписываются директором организации или уполномоченным лицом, действующим на основании доверенности, выданной ему организацией.

По первому впечатлению, для рассматриваемого деяния в целом характерно его соответствие отдельным обязательным признакам мошенничества: хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество.

Специфика объективной стороны данного преступления, выражающаяся в способе совершения мошенничества – обман или злоупотребление доверием, как представляется, может проявляться исключительно, если лицо, подписавшее указанные выше документы, знало о нахождении организации под контролем иностранного инвестора, сознательно дезинформировало органы государственной власти об отсутствии такого контроля, предоставив ложные сведения или умолчав об истине скрытых сведений.

Следовательно, субъективная сторона такого деяния должна отвечать обязательности предумышленного характера (в форме прямого либо косвенного умысла) действий директора (иного уполномоченного лица), заявляющего о несуществовании иностранного контроля над организацией с той лишь целью, чтобы получить запрашиваемые права в результате добровольной передачи должностным лицом органа власти таких прав организации.

Такие элементы состава мошенничества могут иметь место только в случае прямого владения иностранными лицами акциями (долями) в уставном капитале организации. Подобные сведения должны быть отражены в учредительных документах и (или) в данных ЕГРЮЛ либо материалах реестра владельцев ценных бумаг акционерного общества, находящегося у регистратора, и доступны для директора организации.

Надо полагать, что в иных случаях, например, при сложной корпоративной структуре организации в форме «матрешки» (когда одна компания владеет другой, а она, в свою очередь, еще одной и так далее), окутывании организации «корпоративной вуалью», скрывающей реальных контролирующих лиц, бенефициаров и выгодоприобретателей, приведенных выше обстоятельств фактического (экономического, производственно-технического и пр.) иностранного контроля в отсутствие формально-юридических признаков корпоративного контроля, сделать обоснованный вывод о сознательности действий директора организации, о совершении им обмана или злоупотреблении доверием вряд ли возможно.

Более того, контроль иностранного инвестора может быть установлен и после получения российской организацией разрешительного документа, дающего право на осуществление стратегического вида деятельности путем приобретения имущества, акций, долей организации, иных корпоративных прав в отношении нее.

В этом случае приведенные выше аргументы представляются правомерными в отношении директора организации (уполномоченного лица), представляющего сведения в налоговые органы для регистрации факта изменения корпоративных прав в отношении этой организации.

Непосредственно сам иностранный инвестор (в данном случае следует говорить лишь о физическом лице) не совершает, как правило, в одном случае – действий по получению разрешительных документов на осуществление стратегического вида деятельности, подаче документов в регистрирующие органы о фиксации факта перехода корпоративных прав, пытаясь скрыть свое участие в организации, в другом случае – обмана при заключении сделки по купле-продаже стратегических активов, поскольку в гражданско-правовых отношениях он не обязан раскрывать свой статус перед продавцом. Следовательно, такой иностранный инвестор вряд ли может быть субъектом преступления.

Рассматривая вопрос о незаконном получении права на добычу (вылов) водных биоресурсов, важно акцентировать внимание на предмете преступления, который является неотъемлемым признаком объекта мошенничества – это чужое имущество или право на чужое имущество, а не любой объект права собственности. То есть речь идет о вещах либо о других предметах материального мира, для создания которых использован труд человека. Или же о деньгах и ценных бумагах – эквивалентах овеществленного труда человека¹⁰.

В то же время водные биоресурсы, которые воспроизводятся без участия человека (в данном случае речь не идет об искусственном воспроизводстве этих биоресурсов), находясь в естественной среде обитания и в состоянии естественной свободы, не отвечают признакам имущества.

Водные биоресурсы, являясь частью природных ресурсов, исходя из ст. 9 Конституции Российской Федерации, должны использоваться, а равно охраняться как основа жизнедеятельности народов, населяющих наше государство. В качестве национального достояния естественные природные богатства, к созданию которых не приложен труд человека и которые, в сравнении с длительностью человеческой жизни, пребывают бесконечно [15, с. 142], находятся в федеральной собственности (не считая биоресурсы, населяющие пруды и обводненные карьеры, собственниками которых вправе быть не только государство, но и субъекты Российской Федерации, и частные лица).

¹⁰ Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2015. С. 121.

Водные биоресурсы утрачивают статус природных ресурсов, одновременно обретая статус вещи, после их изъятия из естественной среды обитания [16, с. 34], т. е. право собственности на водные биоресурсы отнюдь не тождественно праву собственности на результаты пользования природными ресурсами.

Учитывая это, мы делаем вывод, что водные биоресурсы не могут быть предметом мошенничества, если только они не принадлежат какому-либо лицу (добыты им или приобретены уже после изъятия из естественной среды обитания) на законных основаниях. Соответственно, в рамках статьи 159 УК РФ не может являться предметом преступления и право пользования водным участком в целях добычи водных биоресурсов, которые до их изъятия из водной среды не являются имуществом. Кроме того, как отмечает В. Н. Винокуров, приобретение только права пользоваться и владеть имуществом (без права распоряжения им) не является мошенничеством в форме приобретения права на имущество, поскольку это не причиняет реальный имущественный ущерб собственнику или иному владельцу, при этом предметом мошенничества не может являться право, которое не относится к вещно-правовым [17, с. 236–238].

По этим же причинам представляется невозможным применение к рассматриваемым деяниям ст. 165 УК РФ, закрепляющей уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику (иному владельцу) имущества посредством обмана или злоупотребления доверием, когда не имеется признаков хищения.

Право собственности на добытые (выловленные) водные биоресурсы в результате использования водного участка возникает у субъекта, осуществившего такую добычу (вылов).

Следовательно, исходя из того, что добыча (вылов) осуществлены организацией, находящейся под контролем иностранного инвестора и не имеющей законного (одобренного Правительственной комиссией по инвестициям) права на добычу (вылов) водных биоресурсов, улов, выловленный незаконно, не может принадлежать правонарушителю.

Однако этот улов с момента добычи (вылова) также не принадлежит и государству, а фактически является бесхозным имуществом. В связи с этим отсутствует субъект права собственности (права владения), которому причинен имущественный ущерб в отношении его имущества.

Таким образом, анализируемые деяния в сфере рыболовства имеют характер общественной опасности, отличающийся от того, который присущ преступлениям против собственности, т. к. они не могут рассматриваться как посягательство на права собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом.

Несанкционированный захват иностранными лицами стратегического предприятия посредством установления корпоративного контроля над ним и получение дохода в виде дивидендов в связи с корпоративным участием в таком предприятии, осуществляющем предпринимательскую деятельность, также имеет признаки преступлений в области экономической деятельности.

Исследуя закрепленные в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» составы преступлений в анализируемом аспекте, целесообразно рассмотреть вопрос о применимости ст. 171 УК РФ, зафиксировавшей ответственность за незаконное предпринимательство.

Объектом данного преступления является установленный нормами законодательства порядок осуществления экономической (хозяйственной) деятельности. Объективная сторона этого преступления выражается в т. ч. в осуществлении предпринимательской деятельности без лицензии, если законодательством предусмотрено обязательное требование о получении лицензии на занятие определенным видом деятельности.

С одной стороны, если при представлении документов на получение разрешительных документов на добычу (вылов) водных биоресурсов было заявлено об отсутствии иностранного контроля над соискателем и эти документы были предоставлены, то можно рассмотреть вопрос о незаконной предпринимательской деятельности, поскольку такая деятельность осуществляется на основании незаконно полученных разрешений (заключенных договоров).

С другой стороны, статья 171 УК РФ предусматривает ответственность в тех случаях, когда лицензия не была получена. Но если упомянутые выше документы предоставлены нарушителю, то они являются действительными, и до тех пор, пока они не аннулированы в установленном законодательством порядке, они предоставляют право на занятие видом предпринимательской деятельности, указанным в этих документах.

Прежде всего в силу этого аргумента представляется сомнительной возможность квалификации по ст. 171 УК РФ деяния иностранного инвестора и других физических лиц, к примеру, директора организации, контролируемой иностранными лицами, по осуществлению стратегического

вида деятельности, разрешительные документы на которые получены с нарушением установленного законодательством порядка.

Кроме того, статья 171 УК РФ не может быть применена в случаях получения разрешительных документов на деятельность по добыче (вылову) водных биоресурсов, т. к. эти документы не являются лицензиями. Невзирая на то обстоятельство, что фактически правовое регулирование порядка осуществления таких видов деятельности является сходным в части обязательности предварительного получения разрешения государства в лице уполномоченных органов, нормы уголовного закона не подлежат расширительному толкованию. Конституционным Судом неоднократно была выражена позиция об обязанности законодателя формулировать уголовно-правовые запреты исходя из требований о достаточной степени четкости правовых норм, чтобы любое лицо могло должным образом соотносить с ними собственное поведение на предмет его дозволительности или запрещенности¹¹.

В то же время характер общественной опасности рассматриваемых неправомерных деяний в сфере рыболовства весьма характерен для незаконного предпринимательства. Они посягают на общественные отношения по поводу производства, обмена и потребления материальных благ, деформируют и дезорганизуют установленный государством нормативный порядок регулирования экономических отношений. При этом причиняют (или могут причинить) вред таким отношениям, поскольку их последствиями в т. ч. могут являться: снижение уровня или утрата доверия общества к государственным институтам, предоставившим недобросовестным иностранным лицам права на доступ к национальным природным ресурсам; ухудшение инвестиционного климата и ограничение добросовестной конкуренции, поскольку российские и иностранные предприниматели, действующие добросовестно, не смогли получить тот объем прав на добычу (вылов) водных биоресурсов, которые были предоставлены недобросовестным лицам (равно как и претендовать на их получение в справедливой конкурентной борьбе на аукционе, если бы все участники аукциона действовали законно); непоступление платежей в бюджет государства, которые причитались бы в случае продажи, переработки добытых водных биоресурсов на территории России или при их экспорте по рыночной стоимости.

Еще одним аргументом в части невозможности применения к анализируемым неправомерным деяниям иностранных лиц в стратегических отраслях экономики ст. 171 УК РФ является ее действующая редакция, из текста которой в 2024 году¹² исключен такой признак объективной стороны преступления, как извлечение дохода в крупном или особо крупном размере.

Следовательно, извлечение иностранным инвестором дохода от незаконного участия в осуществлении стратегических видов деятельности на территории России не может служить признаком преступного деяния, квалифицируемого в качестве незаконного предпринимательства, хотя применительно к иностранным лицам и установить реальный размер полученного ими дохода в зарубежных юрисдикциях довольно проблематично.

Неотъемлемой чертой объективной стороны преступления, отраженного в ст. 171 УК РФ, должно является причинение ущерба гражданам, организациям или государству (в крупном либо особо крупном размере). Представляется, что если бы в принципе рассматриваемые неправомерные деяния в сфере рыболовства расценивались бы как незаконное предпринимательство, то размер ущерба, причиненного государству (вред экономическим отношениям), характеризующий степень общественной опасности деяния и размер которого объективно невозможно рассчитать, должен был бы определяться как размер ущерба, причиненного водным биоресурсам при их незаконной добыче (вылове). Именно таким образом в настоящее время определяется размер ущерба, взыскиваемого судами по искам органов прокуратуры в гражданско-правовом порядке по упомянутым ранее делам, связанным с незаконным установлением иностранного контроля над рыбодобывающими обществами.

Что касается применимости к рассматриваемым незаконным действиям иностранных лиц в отношении рыбодобывающих компаний ст. 256 УК РФ («Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов») следует заметить, что данная статья располагается в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления».

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации и подпунктом «а» пункта 7 Положения о лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники : определение Конституционного Суда от 26 ноября 2018 г. № 2876-О // СудАкт : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-2876-o/?ysclid=mc6d5n0faq1441862> (дата обращения: 20.06.2025).

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 15. Ст. 1972.

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, под незаконной добычей (выловом) водных биоресурсов в рамках ст. 256 УК РФ надлежит подразумевать действия по их извлечению из среды их обитания, завладению ими с несоблюдением экологических норм, в т. ч. в случае неполучения разрешительных документов либо применения нарушителем электрического тока, взрывчатых веществ, химических средств¹³. Таким образом, несмотря на то что следствием завладения активами рыбодобывающих обществ является незаконная добыча (вылов) водных биоресурсов (что в конечном счете и является целью нарушения запрета на иностранное участие в сфере рыболовства), по характеру общественной опасности данное деяние не соответствует объективной стороне преступления, отраженного в ст. 256 УК РФ, которая связана прежде всего с браконьерством.

Пожалуй, верно утверждение, что иностранный инвестор, контролирующий российское рыбодобывающее общество, вряд ли непосредственно самостоятельно изымает водные биоресурсы из водной среды их обитания или напрямую участвует в этом технологическом процессе.

Капитан рыболовного судна и рыбаки также маловероятно обладают сведениями о бенефициарах и выгодоприобретателях хозяйственного общества, с использованием судна и оборудования которого они добывают водные биоресурсы.

Производственную деятельность «в море» капитан судна и рыбаки осуществляют на основании разрешения на добычу (вылов), которое действительно и не аннулировано. Поэтому нелогично предполагать, что они осведомлены о том, что они осуществляют свои действия «в море» на основании документов, полученных с нарушением установленного законом порядка.

С учетом этого не подлежит сомнению невозможность применения ст. 256 УК РФ к оцениваемому неправовому поведению иностранных лиц в сфере рыболовства, поскольку соответствующее преступление имеет совершенно иной характер общественной опасности.

3 заключение

Проведенный анализ свидетельствует о фактической невозможности применения рассмотренных мер уголовной ответственности за неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий, осуществляющих добычу (вылов) водных биоресурсов.

Неконтролируемый вывоз из страны природных ресурсов и полезных ископаемых, добываемых стратегическими предприятиями, тайно контролируемые иностранными лицами, может нанести ущерб государству, обществу и в конечном счете гражданам вследствие того, что подобные деяния сопровождаются занижением таможенной стоимости вывозимых ресурсов, недополучением государством налоговых поступлений от реализации данных ресурсов, соразмерная и справедливая прибыль от которой могла бы быть получена стратегическими предприятиями, независимыми от иностранных лиц. Кроме того, это может привести к возникновению дефицита продукции на внутреннем рынке и повышению стоимости товаров, производимых из данных ресурсов и реализуемых населению.

Рассмотренные в настоящей статье составы преступлений отнюдь не исключают потенциальное применение иных статей УК РФ к описанному явлению, изолированные и многогранные формы которого могут проявиться на «ландшафте» экономических преступлений, подверженном влиянию текущих геополитических условий. Одновременно вряд ли можно говорить о наличии достаточных свидетельств необходимости обращения к криминализации непосредственно незаконного завладения иностранными лицами активами рыбодобывающих обществ, учитывая выработанные наукой методы уголовно-правовой политики, исключающие избыточность уголовно-правового запрета.

Список источников

1. Сотсков Ф. Н. Понятие и сущность общественной опасности деяния и ее влияние на формирование норм уголовного закона России : монография Москва : Русайнс, 2025. 264 с.
2. Нешатаев В. Н. Общественная опасность как общий признак преступления и ее роль в квалификации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 27–32. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_1_27
3. Корнеев С. А., Головастова Ю. А. Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, вып. 4. С. 993–1011. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.405>

¹³ О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 1.

4. Алехин В. П., Коржов Д. М. К вопросу об общественной опасности административного правонарушения // STUDNET. 2021. № 2. С. 58–66.
5. Ондар А.-Б. С. Общественная опасность: проблемы определения // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 6 (151). С. 85–94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094>
6. Ахтанина Н. А. Общественная опасность как признак административного правонарушения // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 6. С. 30–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.6.32494>
7. Иваненко И. Н., Пенькова А. Л. Разграничение административного правонарушения и преступления // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета : [сетевое издание]. 2017. № 129 (05). С. 866–877. <https://doi.org/10.21515/1990-4665-129-062>
8. Александров А. Н., Дизер О. А., Недоступенко Т. А. Формирование доктринального подхода к общественной опасности как признаку преступлений и административных правонарушений // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 4. С. 93–102. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8\(4\).93-102](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(4).93-102)
9. Хилота В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления // Lex russica. 2024. Т. 77, № 2. С. 60–69. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069>
10. Антонова Л. Б. Правонарушение, преступление и общественная опасность // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 256–260.
11. Качество уголовного закона. Проблемы Общей части : монография / Клепицкий И. А. [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Проспект, 2016. 287 с.
12. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность // Избранные труды. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 834 с.
13. Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 155–159.
14. Осипов И. В., Трунцевский Ю. В. Квалификация экономических преступлений по оценочным признакам : монография. Москва : Проспект, 2025. 240 с.
15. Игнатьева М. Н., Логинов В. Г., Балашенко В. В., Кубарев М. С. Специфика права собственности на природные ресурсы // Известия Уральского государственного горного университета. 2018. № 3 (51). С. 142–149. <https://doi.org/10.21440/2307-2091-2018-3-142-149>
16. Сидоров С. А., Пинчук О. В. Актуальные вопросы возникновения права собственности на результаты пользования водными биологическими ресурсами // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 3. С. 28–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.3.29411>
17. Винокуров В. И. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование : монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Проспект, 2024. 368 с.

References

1. Sotskov F. N. Ponyatie i sushchnost' obshchestvennoj opasnosti deyaniya i ee vliyaniye na formirovaniye norm ugolovnogo zakona Rossii : monografiya Moskva : Rusajns, 2025. 264 s.
2. Neshataev V. N. Obshchestvennaya opasnost' kak obshchij priznak prestupleniya i ee rol' v kvalifikacii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1 (38). С. 27–32. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_1_27
3. Korneev S. A., Golovastova Yu. A. Obshchestvennaya opasnost' v sovremennoj doktrine ugolovnogo prava: inversionnyye tendencii razvitiya. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. Т. 15, vyp. 4. S. 993–1011. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.405>
4. Alekhin V. P., Korzhov D. M. K voprosu ob obshchestvennoj opasnosti administrativnogo pravonarusheniya // STUDNET. 2021. № 2. S. 58–66.
5. Ondar A.-B. S. Obshchestvennaya opasnost': problemy opredeleniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. Т. 18, № 6 (151). S. 85–94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094>
6. Ahtanina N. A. Obshchestvennaya opasnost' kak priznak administrativnogo pravonarusheniya // NB: Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya. 2019. № 6. S. 30–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.6.32494>
7. Ivanenko I. N., Pen'kova A. L. Razgranichenie administrativnogo pravonarusheniya i prestupleniya // Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta : [setevoye izdanie]. 2017. № 129 (05). S. 866–877. <https://doi.org/10.21515/1990-4665-129-062>
8. Aleksandrov A. N., Diz'er O. A., Nedostupenko T. A. Formirovaniye doktrinal'nogo podhoda k obshchestvennoj opasnosti kak priznaku prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij // Pravoprimeneniye. 2024. Т. 8, № 4. S. 93–102. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8\(4\).93-102](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(4).93-102)
9. Hilyuta V. V. Ontologicheskie aspekty ponimaniya obshchestvennoj opasnosti kak priznaka prestupleniya // Lex russica. 2024. Т. 77, № 2. S. 60–69. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069>
10. Antonova L. B. Pravonarusheniye, prestupleniye i obshchestvennaya opasnost' // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 256–260.
11. Kachestvo ugolovnogo zakona. Problemy Obshchej chasti : monografiya / Klepickij I. A. [i dr.] ; otv. red. A. I. Rarog. Moskva : Prospekt, 2016. 287 s.
12. Kuznecova N. F. Prestupleniye i prestupnost' // Izbrannyye trudy. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2003. 834 s.
13. Bochkarev S. A. O prirode obshchestvennoj opasnosti prestupleniya // Biznes v zakone. 2009. № 5. S. 155–159.
14. Osipov I. V., Truncevskij Yu. V. Kvalifikaciya ekonomicheskikh prestuplenij po ocenochnym priznakam : monografiya. Moskva : Prospekt, 2025. 240 s.
15. Ignat'eva M. N., Loginov V. G., Balashenko V. V., Kubarev M. S. Specifika prava sobstvennosti na prirodnyye resursy // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta. 2018. № 3 (51). S. 142–149. <https://doi.org/10.21440/2307-2091-2018-3-142-149>
16. Sidorov S. A., Pinchuk O. V. Aktual'nye voprosy vznikoneniya prava sobstvennosti na rezul'taty pol'zovaniya vodnymi biologicheskimi resursami // NB: Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya. 2019. № 3. S. 28–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.3.29411>
17. Vinokurov V. I. Ob'ekt prestupleniya: doktrinal'no-prikladnoye issledovaniye : monografiya. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moskva : Prospekt, 2024. 368 s.